

**ПСИХОЛОГІЧНІ
ПЕРСПЕКТИВИ**

*Psychological
Prospects*

Спеціальний випуск
ПРОБЛЕМИ КІБЕРАГРЕСІЇ

Том 2

2012

Рекомендовано до друку вченою радою
Інституту соціальної та політичної психології НАПН України
(протокол № 10/12 від 25 жовтня 2012 р.)

Редакційна рада:

Микола Слюсаревський – голова редакційної ради;
Ігор Коцан, Ксенія Абульханова (Росія), Роман Арцишевський,
Марта Богачевська-Хом'як (США), Михайло Костицький,
Василь Кремень, Ігор Пасічник

Редакційна колегія:

Лариса Засєкіна – головний редактор; *Вадим Васютинський,*
Жанна Вірна – заступники головного редактора;
Віталій Татенко, Олена Донченко, В'ячеслав Казміренко, Лідія
Орбан-Лембрик, Олена Старовойтенко, Тетяна Титаренко, Наталія
Чепелева, Микола Бабій, Любов Найдьонова, Мирослава Мушкевич –
члени редакційної колегії

Засновники: *Волинський державний університет імені Лесі Українки,*
Інститут соціальної та політичної психології НАПН України

Включено ВАК України до переліку наукових фахових видань
із психологічних спеціальностей

Адреса редакції: 43025, м. Луцьк, вул. Потапова, 9
Тел.: (03322) 4-90-01 (у Луцьку); (044) 425-24-08 (у Києві)
Ел. пошта: lora_zasyekina@mail.ru; info@ispp.org.ua
Свідоцтво про державну реєстрацію друкованого засобу масової
інформації КВ № 14266-3237 ПР від 17.06.2008 р.

Видавець: Інститут соціальної та політичної психології НАПН України
(04070, м. Київ, вул. Андріївська, 15)

Статті публікуються в авторській редакції

© Інститут соціальної та політичної
психології НАПН України, 2012
© Автори

Обрії психічного життя людини

Бохонкова Ю. Методологічні основи формування проактивної поведінки як складової психологічної компетентності особистості 104

Бушай І. Образ світу підлітків із агресивною та суїцидною поведінкою 113

Власова Н. Перспективы и условия развития паритетных взаимоотношений в семье: синергетический подход 122

Звонок Д. Співвідношення категорій психологічної ролі та установки 132

Кочарова Е. Сексуальні установки сучасної молоді 141

Остапук О. Теоретические основы классификации страхов 150

Слотвинская С. Психологический анализ подходов к исследованию кризиса инвалидности 158

Чернобровкина В. Психологические аддикции в контексте проблемы личностной свободы и зависимости 166

Психологічний світ освіти

Веретянникова Ю. Роль жизненной позиции студентов-психологов в их профессиональном становлении 178

Лазаренко В. Мотивация професійного вибору старшокласників 185

Пономарьова Н. Деформації мотиваційно-потребової сфери підлітків як чинник соціальної дезадаптації 194

Рамзані Е. Психолого-педагогічні умови профілактики кіберагресії у шкільному середовищі 202

Тіхонова М. Соціально-психологічні чинники впливу на особистість молодшого підлітка в період адаптації до навчання 211

Шахова Н. Студенческая группа как интернет-аудитория 219

Психологічна практика

Крупенко О. Соціально-психологічний тренінг як психоінформаційна форма впливу на особистість 229

Пашко Т. Особливості побудови психотерапевтичних відносин із кібер-залежними клієнтами 237

Резюме 246

Наші автори 264

3. Малышев А.И. Коррекция стрессорной реакции инвалидов после ампутации нижних конечностей средствами адаптивной физической культуры : Дис.канд. пед. наук : 13.00.04 / А.И. Малышев. – Москва, 2002. – 174 с.
4. Николаева В. В. Влияние хронической болезни на психику / В. В. Николаева. – М.: МГУ, 1987. – 164с.
5. Соколова Е.Т. Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях / Е.Т. Соколова, В.В. Николаева. – М.: SvR-Аргус, 1995. – 360с.

Вера Чернобровкина

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АДДИКЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОСТНОЙ СВОБОДЫ И ЗАВИСИМОСТИ

Постановка проблемы. В настоящее время в разных странах мира отмечается резкое увеличение числа лиц с аддиктивным поведением (от лат. «addictus» – зависимый, пристрастившийся к чему-либо, порабощенный, лишенный), что представляет серьезную угрозу психическому здоровью молодого поколения. Поэтому актуальной проблемой современной психологии является изучение механизмов формирования психологической аддикции.

Среди форм аддиктивного поведения выделяют химические зависимости от психоактивных веществ химической или растительной природы и нехимические аддикции, в основе которых лежит пристрастие к психологическому воздействию (азартные и компьютерные игры, Интернет-зависимость, работогольная аддикция, аддикция к трате денег, зависимость от деструктивных культов, межличностная аддикция и созависимость и т.д.).

Цели статьи. Несмотря на сходство механизмов формирования химических и нехимических аддикций, в поле нашего интереса находятся психологические зависимости нехимического происхождения. В более широком плане наше исследование направлено на изучение феномена личностной свободы – несвободы, в контексте которого проблема аддикций и зависимостей приобретает особое звучание.

Изложение основного материала. Прежде всего, дилемма «свобода – несвобода» содержит противопоставление двух различных способов существования человека. Позитивный полюс дилеммы соответствует здоровому и аутентичному построению и проживанию человеком своих отношений с миром, основанному на целостности и полноте внутренней жизни личности, проявляющей авторство и контроль над происходящим в ее жизни. В силу этого события жизни личности выстраиваются не под влиянием принудительной каузальности и действия неподвластных ей сил, а исходят из осознанного выбора, рождающегося на стыке фактичности жизненных обстоятельств и индивидуальной свободы.

Негативный полюс дилеммы «свобода – несвобода» соответствует состоянию зависимости человека от чуждых и неподвластных ему сил, управлять которыми он не в состоянии. Один из вариантов перевода слова «addictus» означает «лишенный», т.е. лишенный спокойного, ненапряженного, здорового и свободного пребывания в процессе жизни. Поэтому установление избыточной зависимости человека от тех или иных факторов – людей, объектов, отношений, условий – лишает человека здорового способа поддержания жизненно важных отношений с миром.

В нашем подходе, основанном на феноменологической стратегии исследования, феномен внутренней свободы – несвободы рассматривается в качестве *смыслового переживания личностью своих отношений с миром, другими людьми и собой*. При этом мы исходим из идеи Л. Выготского о переживании как единице сознания, в которой отражается отношение человека к тому или другому моменту действительности [4, с. 382], а также из введенного им понятия «смыслового переживания». На основе когнитивно-психологических концепций, внутренней свободу можно представить также как переживание, которое имеет определенную смысловую «ткань». Поскольку в основе индивидуального опыта лежат ментальные (когнитивные) образования («базисные убеждения» (А. Бек), «модели» (Дж. Боулби, К. Крейк и др.), «репрезентации» (Ж. Пиаже), «конструкты» (Дж. Келли)), то внутренняя свобода человека является интегративной структурой личностного опыта, которая связана с определенной ментальной моделью мира (Н. Чепелева, М. Смутьсон). В этом качестве феномен внутренней свободы личности аккумулирует в себе смысловые репрезентации пережитых в индивидуальной истории человека значимых отношений с другими людьми, собой и миром, в целом, и включает в качестве элементов этой структуры определенные «единицы смысла», содержание которых отражает специфические особенности отношений с миром, характерные для внутренне свободной личности. Мы выделяем четыре смысловые подструктуры личностного опыта, которые образуют феномен внутренней свободы.

1. *Позитивная жизненная позиция*, составляющая базисную подструктуру опыта личности, формирующуюся на ранних этапах развития и отражающую эмоциональный аспект этого опыта, основанный на чувстве безопасности, доверия, надежности, переживании собственной самооценности, а также значимости других людей. Данная структура опыта является предпосылкой спокойного, ненапряженного (т.е. не ожидающего угрозы) пребывания в мире, при котором человек готов к

открытому и заинтересованному контакту с ним, к действию в нем. Ее смысловая «формула» выглядит приблизительно так: «В этом мире есть место для меня; меня любят и принимают, и я люблю и принимаю других. Я доверяю себе и своим желаниям. Моя спонтанность уместна и приносит мне удовольствие. Мне нравится взаимодействовать с другими людьми и интересно делать то, что я делаю». Полярную структуру опыта образуют *негативные представления о себе и/или других людях*, которые являются смысловыми маркерами внутренней несвободы и одновременно – признаками неадекватных, нарушенных отношений человека с миром.

2. *Устойчивая и дифференцированная психологическая граница Я*, функционирование которой лежит в основе выделения человеком себя как отдельной личности со своей идентичностью, ценностями, потребностями, внутренним миром, и основано на таких базисных убеждениях: «Я понимаю, что я отдельный человек со своими чувствами, желаниями, мыслями и действиями. Я знаю, чего я хочу, и отделяю свои чувства и желания от чувств и желаний других людей. Я имею право выбирать собственные цели, отличающиеся от целей других людей. Я могу не соглашаться с другими людьми, могу обсуждать это с ними и могу соглашаться, если это соответствует моим целям и ценностям. Другие люди могут иметь чувства, желания, мнения и цели, отличающиеся от моих. Я отвечаю за то, что выбираю сам, другие несут ответственность за то, что выбирают они. Я могу быть свободным и иметь привязанности. Я могу быть самым собой рядом с другими». Полярная структура опыта включает в себя смыслы, в которых отражены представления о *значительном влиянии других людей (их действий, оценок, чувств и т.д.) или объектов на внутренние состояния самого субъекта, на его чувства и представления о себе*, в силу чего происходящее с ним воспринимается как зависящее от окружающих. Это дополняется убеждением человека о том, что окружающим принадлежит ответственность за то, что происходит с ним самим.

3. *Самодетерминация и жизнестойкость*, смысловая формула переживания которой может быть представлена таким образом: «Я влияю на свою жизнь и выбираю собственное будущее. Я могу преодолевать и разрешать трудные жизненные ситуации. Я способен выдерживать напряжение и выстоять в стрессе. Переживая и преодолевая трудные ситуации, я приобретаю ценный опыт. Я могу использовать свою силу, чтобы строить жизнь по собственному замыслу. Я способен противостоять обстоятельствам и выбираю свое отношение к условиям, в которых нахожусь. Я могу изменяться и развиваться в соответствии

со своими целями». Центральным смысловым образованием ментальной модели человека, не проявляющего качества жизнестойкости, является убеждение о невозможности самодетерминации и, следовательно, *о диктате и власти внешних сил над его жизнью и судьбой*, а также о вытекающей отсюда собственной неспособности противостоять трудностям и преодолевать их.

4. *Экзистенциальное отношение к жизни*, непроявленность которого свидетельствует о сужении смыслового горизонта мировоззрения, а также о некоторой внутренней несвободе личности, обнаруживающей свою зависимость либо от ценностей «обладания», либо от состояния духовной депривации, либо от переживаний тупика и останки в период экзистенциального кризиса.

Зависимость как феномен, противоположный свободе, – можно рассматривать как ригидную связь, основанную на дефицитарном отношении к определенному объекту, интенсивность потребности в котором избыточна для нормально функционирующих, здоровых отношений субъекта с внешним миром. При отсутствии объекта зависимости субъект чувствует неполноценность, недостаточность, отсутствие чувства идентичности.

Анализ психологических исследований. Понятие зависимости часто рассматривают в контексте проблем нарушения психологической границы личности [5; 3]. При этом ряд авторов выражает гипотезу о существовании единственного синдрома зависимости, который является системообразующим радикалом определенной группы личностных расстройств, что позволяет объединить их под общим знаменателем [5]. Синдром зависимости характеризуется предельной открытостью, неструктурированностью и проницаемостью границ «Я», склонностью к манипулятивному стилю отношений, зависимостью самооценки от оценок значимых других, подкрепленную не насыщаемой аффилиативной потребностью [Там же]. Исходя из этого, С. Ильина выражает мнение о единой природе всех известных форм психологической зависимости – алкогольной, наркотической, пищевой, невротической женской привязанности к мужу-агрессору, преданности идее у последователей деструктивных культов и т.п. Общим для всех этих случаев является то, что при изоляции от объекта зависимости человек переживает чувство брошенности, растерянности, беспомощности, которые часто перерастают в длительную депрессию.

В этом контексте важным является вопрос о здоровом функционировании психологической границы Я, которое мы связываем со вто-

рой структурой личностного опыта, образующего феномен личностной свободы человека.

И. Ялом указывает, что слово «существовать» означает «быть отдельным» («ex-ist» = «stand out» = выделяться). Процесс роста и развития личности, как он пишет, – это одновременно и процесс сепарации, превращения в отдельную, самостоятельную личность, поскольку рост подразумевает развитие автономии, самоуправления, опоры на себя, способности стоять на собственных ногах. Постепенно человек «устанавливает границы, отмечающие, где кончается он и начинаются другие, и начинает полагаться на самого себя, становится независимым и отдельным. Не отъединиться – значит не расти...» [12]. Сходным образом рассматривал развитие личности Ф. Перлз: «Наш рост обеспечивается способностью различения, которая сама является функцией границы между «я» и другим» [9].

Психологическая граница Я представляет собой функциональный орган, свойства которого (плотность, проницаемость, форма и др.) отражают внутреннее состояние человека и тем самым обеспечивают взаимодействие с миром, адекватное его возможностям, мотивам и ценностям [6]. К функциям психологической границы личности можно отнести: отделение личности от внешнего мира (переживание и осознание своих чувств, состояний и потребностей, в отличие от чувств и потребностей других людей (не-смешивание Я – не-Я)); поддержка чувства собственной уникальности и идентичности; формирование контакта с миром на основе учета внутреннего состояния и актуальной внешней ситуации; селекция внешних воздействий и защита внутреннего пространства; поддержка состояния продуктивного одиночества и относительной независимости; определение границ личной ответственности.

В исследовании А.Ш. Тхостова и Д.А. Бесковой на основе сравнения границ здоровых и больных людей показано, что оптимальной является «сформированная, отчетливая, устойчивая, гибкая граница, хорошо защищающая и достаточно восприимчивая» [1, с. 144]. Т. Леви пишет о том, что оптимально функционирующая психологическая граница может иметь целый ряд состояний, каждое из которых соответствует той или иной потребности личности. Она может быть спокойно-нейтральной, активно не впускающей (непроницаемой), проницаемой, активно вбирающей, активно отдающей и активно сдерживающей [6]. Оптимальное функционирование границы основано на установках, соответствующих потребностям и переживаниям Я: «Я могу быть в контакте с миром и чувствовать себя спокойно»; «Я могу сказать «нет»; «Я

могу сказать «да»; «Я могу попросить»; «Я могу выразить себя»; «Я могу сдерживать себя». Это смысловые единицы личностного опыта, основанные на исходном признании человеком своей значимости, ценности, а также надежности внешнего мира, на котором надстраивается способность выбирать актуальное состояние, поддерживающее одновременно внутренний комфорт и адекватный контакт с внешним миром. Для взаимодействия с окружающим миром человеку важно владеть всеми состояниями психологической границы. Ни одно из них не может считаться правильным или неправильным вне ситуационного контекста, в котором строится взаимодействие. Однако базовым вариантом границы, позволяющим ей быть гибкой и адекватной, является ее нейтральное состояние, что соответствует переживанию спокойствия и уверенности в себе [Там же].

Зависимость как состояние нарушенного функционирования психологической границы Я имеет такие маркеры: дефицитное отношение к объекту и принципиальная ненасыщаемость, потребность в постоянном (периодическом) контакте с объектом; стереотипность, повторяемость действий, направленных на контакт с объектом; ощущение принудительного, настойчивого стремления к контакту. Граница контакта с объектом проницаема, при этом или объект «поглощается» субъектом, включается в пространство внутри границы субъекта, или субъект находится внутри границ объекта зависимости (если им является другой человек) и держит свои границы открытыми. Связь с объектом носит характер потребительских отношений; субъект не столько влияет на объект, сколько поддается его влиянию, потребляет необходимый «ресурс», который содержится в нем. Однако если объектом зависимости является другой человек, то субъект осуществляет относительно него определенные действия, направленные на то, чтобы вызывать у объекта некоторые реакции, дающие ему (субъекту) удовлетворение и являющиеся непосредственным предметом зависимости. Такое взаимодействие стереотипно, манипулятивно, проявляется в форме психологических игр, не регулируется и не рефлексивируется субъектом. В момент дефицита или отсутствия объекта зависимости субъект переживает напряженное негативное эмоциональное состояние, при котором он стремится к воссозданию усвоенного способа взаимодействия с ним. Выступая в роли «объекта», другой человек как бы «присваивается» субъектом, «утрачивает» свои субъектные свойства, его собственная воля (свобода) не принимается во внимание. Проявление объектом зависимости собственной воли чаще всего и является причиной и предметом дискомфортного переживания зависимой личности.

Проблема зависимости человека от человека в контексте любовных отношений поставлена в работах С. Пила и А. Бродски [10]. Авторы используют понятие «межличностная аддикция», «социальная аддикция», «любовная аддикция», указывая, что любовная зависимость не просто подобна наркотической аддикции, «она и есть аддикция». Они проводят анализ культурных и психологических условий развития наркотической зависимости, обстоятельно обосновывая тезис о том, что *не химические свойства веществ являются решающим фактором ее возникновения, а психическая организация человека*, главной особенностью которой является *склонность полагаться на внешний контроль*, которая сопровождается высокой тревожностью и эмоциональной лабильностью, низким самоконтролем в сфере потребностей, большей зависимостью от внешней стимуляции, чем от собственных ментальных процессов.

Авторы считают, что основным фактором возникновения аддикции является недостаток у человека способности «справляться со своим миром», разрешать жизненные проблемы, вступать с ними в конфронтацию. Употребление наркотика притупляет чувствительность, создает чувство комфорта и придает жизни субъективно переживаемые структуру и безопасность, защиту от давления требований жизни. Именно это переживание и является основой аддикции. Следовательно, применение наркотика дает человеку *«иллюзию свободы»*, связанную со смысловыми элементами ее базисной (ранней) структуры, – переживанием субъективного благополучия, безопасности, защищенности. При этом истинное физическое и эмоциональное состояние человека скрыто от него, его восприятие себя и происходящего в его жизни становится все больше удаленным от реальности [10]. Таким образом, в основе формирования аддикции лежит недостаток *внутреннего психологического потенциала человека*, необходимого для поддержки нормального напряжения, создаваемого естественным процессом взаимодействия с миром (то есть, по существу, процессом самой жизни), вследствие чего он ищет внешние стимулы и ресурсы, которые помогают избавиться от этого напряжения.

Эти механизмы, как пишут С. Пил и А. Бродски, лежат и в основе «любовной зависимости». Авторы анализируют «факторы риска» и описывают портрет «межличностного аддикта», основной чертой которого является отчужденность человека от собственных переживаний, отсутствие ощущения себя как интегрированного Я. При этом он не чувствует, что живет *своею* жизнью, что его личность находится в его «собственной коже» (это метафора психологической границы). Чувство

отчужденности от своего Я и есть то, что вынуждает человека компульсивно искать отношений. При отсутствии позитивного и целостного Я человек стремится заполнить внутреннюю пустоту. «В отношениях это может быть сделано только путем включения чьего-то чужого бытия внутрь себя, или разрешение кому-то другому включить тебя. Результатом этого становится полностью оформленная аддикция, где каждый партнер тянет другого назад при любом признаке ослабления тех сил, которые держат их вместе» [10].

Таким образом, в основе зависимости находится недостаток чувства полноценного, целостного и позитивного Я, которое еще больше ослабляется в условиях зависимости. Потребность в другом предопределена стремлением укрепить и оградить слабую сторону своей личности. Партнеры больше мотивированы собственной потребностью в безопасности, чем признанием индивидуальности другого. Им необходима уверенность в постоянстве чувств партнера, который может дать чувство безопасности. Это объясняет одобрительное отношение к слабостям другого и его сниженным способностям справляться с разными трудностями, т.к. они являются гарантией его преданности. Поэтому ревность и препятствование развитию социальных связей и интересов партнера часто сопровождают аддиктивную любовь.

Б. Уайнхолд и Дж. Уайнхолд [11] исследовали так называемые «созависимые отношения», понимая под ними распространенные неадекватные формы социальных связей между людьми, при которых каждый из них «не может чувствовать и действовать независимо от другого». Критериями созависимости являются: ощущение человеком своей зависимости от окружающих (в частности – наличие переживаний гнетущего контроля или унижения со стороны других); низкая самооценка и потребность в одобрении и внешней поддержке; чувство бессилия из-за невозможности изменить деструктивные отношения; потребность во внешних стимуляторах (алкоголе, еде, работе и др.) с целью отвлечься от переживаний; неопределенность психологической границы; ощущение себя в роли жертвы; неспособность переживать чувство истинной близости [Там же, с. 13].

На основе изучения психического состояния женщин, мужа которых больны алкоголизмом [8; 14], был составленный перечень критериев созависимости, которая имеет место, если человек длительное время подвергался или подвергается влиянию высокострессовой семейной ситуации, в результате чего у него проявляются: страх или непрекращающаяся тревога, неприятные предчувствия; недоверие к людям, контроль за их поведением; свехответственность; попытки мани-

пулировать поведением других; стыд и вина за проблемы других, стремление спрятать «позор семьи»; непринятие себя; демонстрация преимущества и грубости при низкой самооценке; длительное отчаяние; гнев на других и себя, страх потерять контроль в гневе; отрицание (оправдание, защита партнера от негативных последствий); ригидность (в поведении, в мышлении, ролевая, эмоциональная негибкость); нарушение идентификации собственных потребностей (потеря способности заявлять о своих потребностях и заботиться об их удовольствии, трудности в определении границ своего Я, потребность в других для подтверждения самооценки, страх быть брошенным, обеспокоенность тем, что подумают другие); смещение понятий (сомнение в том, что является нормальным или реальным, легковерие). Перечень этих признаков содержит моменты, которые мы соотносим со смысловыми структурами феномена свободы / несвободы.

Приведенный анализ свидетельствует, что кроме нарушений в функционировании психологической границы Я, в основе феномена зависимости лежит нарушение еще двух структур личностного опыта, которые мы связываем с феноменом личностной свободы, – позитивной жизненной позиции и самодетерминации. Несформированность последней структуры личностного опыта заключается в доминировании в ментальной модели человека представлений о его неспособности решать сложные жизненные ситуации, преодолевать препятствия, влиять на события собственной жизни. Это также убеждение о том, что власть над человеком, его поступками и событиями жизни принадлежит не ему, а внешним силам, обстоятельствам, другим людям.

Л. Бинсвангер использует в этом контексте понятие экзистенциальной слабости, понимая под ним состояние человека, который «не занимает автономную позицию в своем мире», «отрезает самого себя от принципов своего существования» и «делает чуждые силы «ответственными» за его судьбу вместо него самого» [2, с. 250]. Таким же образом А. Маслоу рассматривает «чувство полной детерминированности, беспомощность, отсутствие ощущения свободы воли» как одну из метапатологий (цит. по: [7, с. 338]). Несформированность этой подструктуры личностного опыта проявляется также в неразвитости «жизнестойких» убеждений и установок (С. Мадди), вследствие чего вместо включенности в события человек избегает их, вместо того, чтобы влиять на результаты стрессогенных изменений, – впадает в беспомощность и пассивность, а вместо принятия вызова жизни и проявления готовности к разному развитию событий – «застревает» на переживаниях испуга [13]. «Безнадежность, апатия, поражение, прекращение

совладания, капитуляция» также входят в список метапатологий, выделенных А. Маслоу (цит. по: [7, с. 338]).

Выводы. Таким образом, анализ механизмов формирования психологической зависимости человека свидетельствует о том, что в их основе лежит неблагоприятный личностный опыт, смысловая структура которого включает базисные убеждения, определяющие негативное отношение человека к себе и чувство ненадежности, небезопасности окружающего мира, нарушенное функционирование психологической границы Я, а также установки на невозможность самодетерминации, т.е. убежденность человека в собственной неспособности противостоять жизненным трудностям. Зависимость формируется у человека при установлении такой связи с каким-либо внешним объектом или другим человеком, когда он открывает для себя возможность «подпитывания» за счет внешнего ресурса, компенсирующего недостаток его собственной внутренней целостности, наполненности и силы, т.е. недостаток внутренней свободы.

Література

1. Бескова Д.А., Тхостов А.Ш. Телесность как пространственная структура / Д.А. Бескова, А.Ш. Тхостов // Междисциплинарные проблемы психологии телесности / ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. – М.: Мир, 2004. – С. 133 – 148.
2. Бинсвангер Л. История болезни Лолы Фосс / Л. Бинсвангер // Бытие-в-мире. – М.: „КСП+“; СПб: „Ювента“ (при участии психологического центра „Ленато“, СПб.), 1999. – С. 231 – 300.
3. Варга А. Насильники поневоле [Электронный ресурс] / А. Варга // Индекс / Досье на цензуру. – 2002. – №17. – Режим доступа: <http://www.index.org.ru/journal/17/varga.html>
4. Выготский Л.С. Кризис семи лет / Л.С. Выготский // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 4. – 1982. – С. 376 – 385.
5. Ильина С.В. Эмоциональный опыт насилия и пограничная личностная организация при расстройствах личности : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.04. – М., 2000. – 241 с.
6. Леви Т.С. Психология телесности в ракурсе личностного развития / Т.С. Леви. Междисциплинарные проблемы психологии телесности // ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. – М., 2004. – С. 288 – 309.
7. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.
8. Москаленко В. Д. Жены больных алкоголизмом / В.Д. Москаленко // Вопр. психологии. – 1991. – № 5. – С. 91 – 98.
9. Перлз Ф. Практика гештальттерапии [Электронный ресурс] / Ф. Перлз; пер. М. Папуша. – М.: Ин-т общегуманит. исслед., 2001. – Терминологическая

правка В. Данченко. – Киев : PSYLIB, 2004. – Режим доступа : <http://psylib.org.ua/books/perlz01/index.htm>

10. Пил С., Бродски А. Любовь и зависимость. – М.: Ин-т общегуманит. исслед., 2005. – 384 с.
11. Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости. – М.: Класс, 2006. – 224 с.
12. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом; пер. с англ. Т.С. Драбкиной. – М.: Независимая фирма „Класс“, 1999. – 576 с.
13. Maddi S.R., Khoshaba D.M. Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. – 1994. – Oct. – Vol. 63. – №2. – P. 265 – 274.
14. Potter-Efron R.T., Potter-Efron P.S. Assessment of co-dependency with individuals from alcoholic and chemically dependent families // Alcohol. Treat. Quart. – 1989. V.6. – N1. – P. 37 – 57.